

samochuvstvie-uchiteley-v-usloviyah-prodolzhayuschih-sya-reform-obrazovaniya (дата обращения: 20.03.2020).

8. Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey). Часть 1. Непрерывное обучение учителей и директоров школ. – М., 2019. – 41 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/TALIS/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20TALIS-2018.pdf> (дата обращения: 07.04.2020).

9. Палкина С. А. Модель профессионального развития педагога в образовательной организации [Электронный ресурс] // Научный электронный архив. – 2016. – URL: <http://econf.rae.ru/article/10167> (дата обращения: 20.03.2020).

10. Паспорт «Национальный проект «Образование»: утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 г., протокол № 16 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения: 20.03.2020).

11. Паспорт регионального проекта «Учитель будущего»: утв. Коллегией Администрации Кемеровской области от 11 декабря 2018 г., распоряжение № 619-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW284&n=93722&dst=#06899577748640944> (дата обращения: 20.03.2020).

12. Реан А. А. Психология личности. – СПб.: Питер, 2016. – 288 с.

13. Русских Л. В. Социальное самочувствие учителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 107–109.

14. Собкин В. С., Адамчук Д. В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации. Труды по социологии образования. – Т. XVIII. Вып. XXX. – М.: ФГБНУ «ИУО РАО», 2016. – 216 с.

15. Соломанидина Т. О., Соломанидин В. Г. Мотивация и стимулирование трудовой дея-

тельности: учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2016. – 323 с.

16. Хошимова Н. М., Тагоева С. М. Трудности и недостатки в деятельности начинающих учителей [Электронный ресурс] // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (50). – С. 234–238. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-i-nedostatki-v-deyatelnosti-nachinayuschih-uchiteley> (дата обращения: 20.03.2020).

17. Чепкасов А. В. [и др.] Удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью: результаты исследования. 2018/19 учебный год. – Кемерово: Изд-во КРИПКИ-ПРО, 2019. – Вып. 3 (21). – 137 с.

С. А. Завержин

УДК 37.01

ПЕДАГОГИЗАЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ РЕБЕНКА: ВЗГЛЯД П. М. ФУКО

Возрастающая чувствительность к проблемам сексуального развития и воспитания ребенка стала одной из определяющих характеристик отечественного научно-педагогического ландшафта. Система образования испытывает заметные трудности в определении своего отношения к вытеснению моральных норм, регулирующих межполовые коммуникации несовершеннолетних, снижению возраста сексуального дебюта, проникновению западных моделей гендерно-нейтрального воспитания, росту случаев нарушений сексуальной неприкосновенности детей, падению в подростково-юношеской среде значимости

традиционных семейных ценностей, целесообразности введения в школах курса по половому просвещению. В связи с этим перед отечественной образовательной сферой встает вопрос: как в условиях нравственной и сексуальной релятивизации общества, интимно-технологической революции, каталитизации негативных тенденций в сексуальной активности несовершеннолетних способствовать сохранению и укреплению психосексуального здоровья взрослеющей личности?

Поиски ответов на эти вопрошания активно ведутся как представителями отечественной, так и зарубежной гуманитарной мысли. Заметим, что за рубежом тематика сексуальности, эротизма, гендера стала притягательной сферой научного дискурса раньше, чем у нас, еще в 60-80 годы прошлого века, в эпоху расцвета постмодернизма, когда к ней обращались выдающиеся представители этого культурно-философского направления: Ж. Батай, Г. Башляр, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Дерида, К. Леви-Стросс, П. М. Фуко и др. Причем именно у Поля Мишеля Фуко (1926–1984) сексуальная проблематика была наиболее тесно сплетена с вопросами образования и воспитания.

В последние годы заметно вырос интерес отечественных специалистов к его педагогическому наследию. В трудах М. В. Савина [3], Г. А. Бейсеновой [1], Т. Н. Матвиенко [2] излагаются взгляды Фуко на становление и развитие системы образования Западной цивилизации; образование рассматривается как проекция темы власти и знания в онтологической перспективе развития субъекта и форм субъектности; раскрывается сущность философско-педагогической концепции «образования-пайдейи», но не затрагивается такая важная для уточнения педагогической позиции выдающегося французского мыслителя смысловая связь между сексуальностью ребенка и его воспитательными стратегиями, которые, как он утверждал, в конечном счете формируются и контролируются властью.

Сексуальность для Фуко – одна из ключевых детерминант человеческого существо-

вания, желание посредством тела обнаружить истину своего бытия. Это не столько биологический, сколько социокультурный многослойный конструкт, имеющий несколько измерений: разнообразные дискурсы (речевые практики) о ней; знания о том, как власть регулирует сексуальные практики; формы, в которых индивиды могут оценивать себя в качестве субъектов сексуальности [5, с. 7]. Для анализа всей совокупности составляющих этого феномена Фуко вводит специальное понятие «диспозитив сексуальности», функционирование которого связано с постоянно нарастающей по мере исторического развития значимостью тела, наделением его ценностью в качестве объекта знания и в качестве объекта, подлежащего со стороны власти регуляции. Тело находится в оппозиции к власти, оно есть некоторая альтернатива власти, ввиду того, что базисной характеристикой сексуальности является необузданность, которая трудно поддается контролю. Поэтому власти необходимо проводить гибкую политику по отношению к сексуальности: «Власть ее и выделяет, и вызывает, и пользуется ею как размножающимся смыслом, который снова и снова необходимо брать под свой контроль, дабы он не ускользнул вовсе; сексуальность – это эффект с ценностью смысла...» [4, с. 254].

Отношение к детской чувственности, к телу ребенка – предмет, который, по мысли Фуко, волновал философско-педагогическую мысль, начиная с Античности. В Древней Греции «истина и секс связывались в форме педагогики – через передачу драгоценного знания от одного тела к другому; секс служил опорой для посвящения в познание» [4, с. 161]. Государство жестко не кодифицировало половую потребность, терпимо воспринимая возможные интимные отношения между учителем и учеником, не считая их противоречащими существующим культурным нормам, согласно которым результативность процесса познания зависела от степени духовной и телесной близости включенных в него субъектов. Вместе с тем любая половая активность, особенно между зрелыми мужчинами и юно-

шами, уже тогда, замечает Фуко, вызывала беспокойство с позиции моральных ориентиров. Любовь к мальчикам подвергалась философской дезинвестиции ввиду ее коренного недостатка – отсутствию удовольствия. Модель добродетельной личности предполагала не подавление чувственного желания, а господство над ним, умение подчинять телесные порывы требованиям разума. На это указывают величайшие древнегреческие философы: Сократ, Платон, Аристотель, подчеркивающие, что половая воздержанность увеличивает возможности в обретении человеком субъектности, свободу человека в форме власти над собой, делает его более полезным для общества. Половая воздержанность постулировалась ими как истинная ценность, одна из ключевых задач образования, как «практика себя» или искусство «заботы о себе». Цель практик себя в трактовке Фуко – «нахождение траектории, двигаясь по которой, можно избежать каких бы то ни было зависимостей или порабощения и достичь воссоединения с собой» [6, с. 75].

В философско-медицинском дискурсе античности указывалось, что сексуальность как онтологическое начало в человеке и эпистемологический феномен как спаянные вместе желание и удовольствие приобретают общественную ценность через формирование у личности стратегий ее познания и самоограничения посредством различных практик заботы о себе, направленных на воздвигание себя в качестве этического субъекта. Например, Фуко упоминает о рекомендациях античных медиков и философов, обращенных к потенциальным родителям, которым советуются формировать себя как прообраз их будущего ребенка; в античных текстах предлагалось снимать гомосексуальность юношей различными физическими, военными упражнениями и умственными занятиями; обеспечить целомудрие подростков через разумно устроенное образование [6, с. 138–142].

Христианство, заявив, что «плоть отмечена печатью греха, падения и зла» [6, с. 198], окончательно дисквалифицировало возмож-

ность достижения истины посредством передачи знания от тела педагога к телу ученика и утвердило взгляд на ребенка как на девственное создание, которое неусыпными усилиями наставников должно сохранять свою непорочность до брака.

Сексуальность ребенка, согласно Фуко, до конца XVIII века не проблематизировалась ввиду того, что власть считала ребенка асексуальным существом, находящимся в строгих рамках диспозитива супружества или традиционного десексуализированного брака, нацеленного лишь на репродукцию. Становление в Европе рыночных отношений, государственной системы образования, развитие медицинского, юридического знания, повышение статуса эротизма в общественном сознании, стремление сформировать экономически и политически полезную сексуальность подвигло к возникновению диспозитива сексуальности, в формате которого интенсифицируется аффективность и телесная близость между родителями и детьми, а тело ребенка становится с XVIII столетия мишенью власти, которая через своих конфидентов (родителей, кормилиц, прислуги, наставников, врачей) начинает следить за малейшими проявлениями половой активности, которая теперь нуждалась в специальной рефлексии и нормализации.

С XVIII века, полагает Фуко, складываются четыре стратегии отношения власти к сексу. Первая – истеризация тела женщины, которое дисквалифицировалось как тело, пропитанное сексуальностью, и должно быть интегрировано в социальное тело в качестве тела, обеспечивающего воспроизводство населения, вписано в семейную структуру, а также восприниматься как наделенный моральной ответственностью субъект воспитания ребенка, даже несмотря на его имманентную невротичность. Вторая стратегия – педагогизация секса ребенка – выражается в двух ключевых положениях: во-первых, все дети предаются сексуальной практике, во-вторых, она является одновременно и «естественной» и «противоестественной», так как несет в себе разного рода опасности: физические и моральные, кол-

лективные и индивидуальные. Ребенок – «пороговое» сексуальное существо, находящееся в состоянии «пере», в состоянии предельной рискогенности соскользнуть к сексуальным перверсиям. Третья стратегия связана с вменением посредством политических и социально-экономических мер супружеским парам повышенной ответственности перед социальным телом за репродуктивную деятельность. Наконец, четвертая стратегия предполагала активное использование медицины (психиатрии) для коррекции аномального сексуального поведения [4, с. 204–206].

В соответствии с направленностью данной статьи остановимся подробнее на второй стратегии. Педагогизация детской сексуальности, подчеркивает французский философ, наиболее ярко проявила себя в «той войне против онанизма, которая длилась на Западе в течение почти двух веков» [4, с. 205], войне реальной, целью которой являлось обеспечение здорового потомства для привилегированных классов.

Анализируя корпус текстов, посвященных детской мастурбации, Фуко приходит к заключению, что «крестовый поход» против нее, точнее – против мастурбирующих детей из буржуазной среды – начинается с конца XVIII столетия, когда в Европе раздаются призывы к созданию государственного обучения и переводу значительной доли воспитательных полномочий от буржуазной семьи в институализированное и нормализованное воспитательное пространство. Антимастурбационная кампания рассматривается французским мыслителем в контексте более широкого движения за естественное воспитание детей, центрированного на то, чтобы доверять дело образования не приглашенным в семью кормилицам, гувернерам, учителям, а естественным наставникам – родителям. Однако родители являются достаточно противоречивыми воспитательными фигурами, которым дана власть над телом ребенка, но которые могут этой властью неправильно распорядиться, например, произвольно или ненамеренно способствовать разжиганию чувственности у

детей. Самому телу ребенка теперь атрибутируется сексуальность, правда, в основном аутоэротическая, а буржуазной семье – аффективность, которые создают возможность, используя терминологию Фуко, эпистемофилическому инцесту, т. е. инцесту прикосновения, взгляда и надзора. Поэтому сексуальность рождается «инцестуозной» [4, с. 210].

В антимастурбационном дискурсе, по мнению философа, с одной стороны, мастурбация тотально патологизируется, полагается как универсальная причина любой болезни, с другой – подробнейшим образом расписываются средства, которые помогут родителям помешать ребенку войти в состояние телесного удовольствия. В этом дискурсе императивно подчеркивается, что тело ребенка должно быть под неусыпным присмотром, «сопровождаться» телом родителей. По сути, утверждается кульпабилизация родителей – им вменяется ответственность за тело и жизнь ребенка.

Кампания против мастурбации есть, согласно позиции Фуко, следствие процесса сложения новой аффективной, нуклеарной семьи, структурирующейся вокруг оси «родители – дети». В «клеточной семье» стремительно возрастает ценность тела, удовольствий, здоровья. Такому типу семьи внутренних ресурсов, чтобы справиться с сексуальностью ребенка и взрослого, понять, где ее нормативные, а где ненормативные проявления – затруднительно, что объективно подключает к процессу контроля за детской чувственностью внешних агентов в лице медицинского знания, а за чувственностью взрослых к детям – правовые институции. Вследствие этого семья и ее сексуальные отношения становятся проницаемыми для сложившегося механизма управления, который старается не запретить девиантные формы сексуальности, а распространить на них дисциплинарные механизмы власти. Стремясь вовлечь аффективную семью в существующий порядок посредством сексуального дискурса, власть создает у родителей иллюзию субъекта, определяющего развертывание чувственности ребенка,

иллюзию ее эффективной педагогизации в рамках семьи. На самом же деле аффективная семья, выступающая сама по себе фундаментальным фактором сексуализации ребенка, не может оставаться без внешнего наблюдения и режиссуры со стороны власти.

В конце XIX века, замечает Фуко, с расширением школьного образования, усилением отчуждения ребенка от семейной среды и, соответственно, трансформации конфигурации надзора за сексуальностью, меняется ракурс ее восприятия. Родителей, которых в течение столетия обвиняли в инцестуозной близости к детям, оправдывают. Теперь сами родители, как провозглашает психоанализ, становятся объектами желания ребенка, его инцестуозных импульсов. Психоанализ рождается, по утверждению философа, именно как техника лечения детского инцеста и все его вредоносных последствий в пространстве семьи, но семьи буржуазной. Что касается «народной семьи», то здесь возникает потребность в создании институций, защищающих ребенка от инцестуозных влечений родителей [7, с. 327], так как капитал требовал воспроизводство здоровой рабочей силы.

В целом Фуко дает положительную оценку психоанализу, указывая, что это одна из технологий медиализации сексуальности, но технология, освобожденная от всяких форм расизма и евгенизма; он помогает познавать секс и переводить его в дискурс; в рамках семейной структуры артикулировать инцестуозные желания; кроме того является механизмом пристегивания сексуальности к системе супружества – что в совокупности благоприятствует встраиванию индивида в существующий порядок.

Подводя итог нашим рассуждениям, уместно еще раз подчеркнуть, что в оптике выдающегося французского философа Поля Мишеля Фуко детская сексуальность – конструкт, сквозь призму которого можно обнаружить ускользающую от поверхностной рефлексии тонкую игру множественных и гибких инструментов власти, стремящихся подчинить индивида государственным интересам, сохраняя при этом у него иллюзию самореферентности.

Среди таких инструментов особое значение всегда отводилось институтам школы и семьи, через которые власть пристально следит за малейшими изменениями в детской чувственности, направляя в нужную для себя сторону ее энергию. Такой подход, по нашему мнению, имеет безусловную методологическую ценность не только для более аутентичной оценки сексуальной активности современных детей, но и для прицельного анализа действующей сегодня «машины образования», ее сущностных особенностей, специфики функционирования в условиях «текущей реальности» (З. Бауман) и глубинного государства.

АННОТАЦИЯ

Анализируется философско-педагогический взгляд П. М. Фуко на сексуальность ребенка в контексте социокультурной динамики отношений власти и человека в западной цивилизации.

Ключевые слова: диспозитив сексуальности, дискурс, власть, педагогизация сексуальности, аффективная семья, инцестуозные отношения, контроль за детской чувственностью.

SUMMARY

The author analyzes the philosophical and pedagogical view of P. M. Foucault on child sexuality in the context of the socio-cultural dynamics of power and human relations in Western civilization.

Key words: disposition of sexuality, discourse, power, pedagogization of sexuality, affective family, incestuous relationships, control of children's sensuality.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенова Г. А. Философия образования М. Фуко как проекция концепции власти-образования // Образование и насилие. Сб. статей под ред. К. С. Пигрова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 212–226.
2. Матвиенко Т. Н. Научно-педагогическая концепция П. М. Фуко: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2012. – 28 с.
3. Савин М. В. Историко-педагогические воззрения Поля Мишеля Фуко // Историко-педагогический журнал. – 2012. – № 3. – С. 102–114.

4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

5. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с.

6. Фуко М. История сексуальности. – К.: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.

7. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 году. – СПб.: Наука, 2005. – 432 с.

8. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году; пер. с фр. А. В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.

Т. Н. Михайлова

УДК 159.91:378.1

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОФЕССИИ КАК ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ КУРСАНТА ВУЗА МВД РОССИИ

В профессиональной деятельности любого человека в качестве формы реализации его творческого потенциала и объекта эффективного становления и развития выделяют определенные интегральные характеристики личности. Речь идет о профессиональной компетентности и профессиональной гибкости, обеспечивающих возможность разрешения профессиональных вопросов и проблем в из-

меняющихся условиях профессиональной среды. Особое внимание при этом уделяют такой характеристике личности, как ее профессиональная направленность.

Исследуя вопросы профессионального развития личности, Л. М. Митина предлагает следующее определение профессиональной направленности: система ценностно-эмоциональных отношений, должным образом способствующая формированию в определенной иерархической последовательности доминирующих у личности мотивов, которые побуждают личность к их утверждению в профессиональном общении и деятельности [11, с. 30]. Соответственно, центральной категорией, определяющей профессиональную направленность личности, является ценностно-эмоциональное отношение.

В любой сфере жизнедеятельности, при любых условиях человеку свойственно выражать свое отношение к предмету или роду деятельности, которое всегда является ценностно-ориентированным. Сегодня исследованием категории «ценностное отношение» занимаются многие видные ученые педагогики, педагогической психологии, педагогической аксиологии, культурной антропологии и других наук, считая категорию «ценность» междисциплинарным понятием [9].

В философском понимании «отношение» не отождествляется с вещью материального мира, а раскрывается через форму участия личности в осуществлении какой-либо деятельности, значимости для личности какого-либо предмета, объекта, явления. Любое человеческое отношение указывает на связь между человеком и объектами материального мира и характеризуется значимостью последних для первого [15]. Носителем ценностного отношения всегда выступает личность в рамках социокультурного ее существования. Ряд российских ученых, в том числе В. Т. Харчева [19], В. А. Ядов [22], С. Ф. Анисимов [1], В. П. Тугаринов [16], А. Г. Здравомыслов [7], З. Н. Чавчавадзе [20], М. С. Каган [8], А. В. Афанасьев [2], выделяют такие признаки ценностного отношения, как необходимость, по-